

Цинь Шиу не ожидал, что Лу Тун вспомнит о его ране и даже позаботится о ней, отчего немного опешил.

Лу Тун протер его руку спиртом, а затем, словно фокусник, достал эскимо и приложил к тыльной стороне руки Цинь Шиу.

Тот участок кожи, который до этого слегка пылал, мгновенно охладился после прикосновения льда.

Цинь Чу язвительно спросил:

— Когда ты успел купить эскимо?

Лу Тун ответил:

— Только что у входа в магазин.

Подумав, добавил:

— До того, как ты пришел.

Услышав это, настроение Цинь Чу не улучшилось, напротив, его слова стали еще более едкими:

— А почему у меня такого нет?

Видимо, он вспомнил.

Спиртовой тампон, который Лу Тун использовал сейчас, был куплен позавчера в больнице, когда Цинь Чу поранил руку, зажав ее дверью.

Тогда он использовал его, но осталось немного, и выкидывать было жалко, поэтому он принес его в школу. Не ожидал, что он пригодится уже в первую ночь.

— Сколько тебе лет? Ты еще и сравниваешь, кому дали мороженое, а кому нет? — Лу Тун был в недоумении. — К тому же, у тебя рана кровоточит, как ты будешь прикладывать лед?

Цинь Чу, не сдаваясь, возразил:

— Почему нельзя? Ты просто не заботишься обо мне.

Услышав это, Лу Тун подумал: «Вот это да, теперь он еще и на меня вину сваливает? Совсем с ума сошел!»

Цинь Шиу, наслаждаясь холодом от эскимо, с удовольствием развернул упаковку, откусил кусочек и стал медленно ждать, пока он растает.

Цинь Чу уставился на него:

— Ты чему улыбаешься?

Цинь Шиу ответил:

— Ничему. Мороженое такое сладкое.

Цинь Чу промолчал.

Цинь Шиу откусил еще раз:

— Забыл, что тебе не досталось, извини. Ну что ж, смотри, как я ем.

Цинь Чу сказал:

— Чтоб ты околел!

Он шагнул к выходу и, проходя мимо Цинь Шиу, с силой шлепнул его мороженым по лицу.

Эскимо, которое Цинь Шиу успел съесть всего пару раз, с позором размазалось по его лицу, медленно сползая на пол, оставив Цинь Шиу с выражением полного недоумения.

Радость сменилась горем.

Цинь Шиу вскочил с кровати и бросился в погоню:

— Цинь Чу! Черт возьми! Ты совсем ребенок! Верни мне мороженое!

Цинь Чу, не оборачиваясь, с грохотом захлопнул железную дверь, отчего весь общежитийский корпус вздрогнул, и студенты высунули головы из своих комнат, чтобы посмотреть, что происходит.

Цинь Шиу, с глазами на мокром месте, кричал:

— Я же толком не поел!

Лу Тун, видя его выражение лица, подумал, что он выглядит настолько жалко, что на его губах можно было бы повесить чайник.

Он сказал:

— Если хочешь, можно купить еще.

Цинь Шиу, надувшись, сел на кровать:

— Разве это то же самое!

То — то мороженое, которое он только что ел, разве оно сравнится с новым?

Цинь Шиу, с глазами полными слез, сжал все свои черты лица в одну точку, упрямо глядя на мороженое на полу.

Это был первый раз, когда Лу Тун специально купил ему мороженое, и он даже не успел нормально его съесть, прежде чем Цинь Чу, этот ревнивец, все испортил! Теперь он все больше жалел об этом, то мечтая схватить нож и пойти в комнату Цинь Чу, чтобы устроить разборки, то ругая себя за то, что слишком увлекся.

Это была расплата за чрезмерную самоуверенность.

Цинь Шиу давно должен был понять, что его отец через шестнадцать лет будет обладать сильным чувством собственности по отношению к Лу Туну, и даже в таком возрасте будет с

ним соперничать, это просто токсично!

Но через шестнадцать лет Цинь Чу хотя бы мог держаться с достоинством генерального директора, не проявляя своих чувств так явно, ведь ревновать к собственному сыну — это слишком унижительно.

Однако сейчас было шестнадцать лет назад, и его отец был всего на несколько месяцев старше его, а его умение устраивать истерики и хлопать дверьми было настолько отточенным, что ничуть не уступало его собственному.

В умении капризничать и обижаться Цинь Шиу был достойным соперником своему отцу, но сейчас он наткнулся на стену.

Лу Тун убрал с пола и сказал:

— Сейчас такая погода, если есть много холодного, можно простудиться.

Цинь Шиу шмыгнул носом:

— Ладно.

Он с сожалением посмотрел на мороженое, которое уже оказалось в мусорном ведре, и наконец смирился с этим фактом.

Лу Тун тоже взглянул туда, подумав: «Что это за мороженое такое, что оно того стоило? Неужели оно настолько вкусное?»

Цинь Шиу, завернувшись в неаккуратно натянутое ватное одеяло и смятую простыню, забрался на кровать.

Лу Тун спросил:

— Ты так и собираешься спать?

Цинь Шиу перекатился на кровати, высунув свою мохнатую голову:

— А как еще спать? На ногах что ли?

Лу Тун указал на его постельные принадлежности:

— А твое одеяло? Не собираешься заправлять простыню?

Цинь Шиу честно признался:

— Не умею.

Он не врал.

Заправлять простыню — он не умел.

Сейчас не умел, и через шестнадцать лет тоже не научился.

Маленький господин из семьи Цинь, выходя из дома, всегда сопровождался няней, поэтому ему никогда не приходилось самому заправлять постель.

К тому же, из-за особенностей профессии Лу Туна и положения Цинь Чу в деловом мире, жизнь этого маленького господина была не такой уж беззаботной, и куда бы он ни шел, его всегда окружала толпа телохранителей, что сильно ограничивало его свободу.

Не говоря уже о жизни в общежитии, даже если бы он остановился в отеле, принадлежащем его отцу, его бы тщательно обыскали. Цинь Шиу был особенной личностью, и в их кругах похищения и убийства казались обычным делом.

Он раньше тоже думал о жизни в общежитии, когда видел, как другие студенты переезжали туда, и их родители сопровождали их до самого учебного заведения.

Даже в общежитии матери сами меняли им постельное белье.

Он помнил, что у него был друг, который был очень привязан к своей матери, и даже в старшей школе не мог и трех слов сказать, не упомянув ее — его одеяло было сшито ее руками.

У Цинь Шиу такого не было.

Раньше он не жил в общежитии, а теперь, когда переехал, его навыки самостоятельной жизни оставались на нуле. Не говоря уже о том, чтобы заправить одеяло, что казалось ему невероятно сложной задачей. Вещи были разбросаны где попало, стол не убран. В общем, полный хаос.

Цинь Шиу не обращал внимания на то, как он спит, его главной целью было следить за Лу Туном, поэтому он продолжал:

— Не переживай. Студенческий совет не проверяет международное отделение, они мне баллы не снимут!

Услышав это, Лу Тун на мгновение задумался: «Разве дело в баллах? Как он собирается спать на этой кровати?»

— Вставай, — приказал Лу Тун.

Цинь Шиу редко возражал ему, поэтому, услышав это, сразу же послушно сполз с кровати.

Заодно он осторожно достал из-под подушки мобильный телефон.

Лу Тун закатал рукава школьной формы и ловко развернул одеяло.

Цинь Шиу стоял как вкопанный, пока Лу Тун не закончил заправлять постель, и только тогда он понял, что его мама... заправила ему постель?

Он замер на месте, пока вся кровать не стала аккуратной и мягкой. Лу Тун потрогал ватное одеяло, убедившись, что оно достаточно толстое, чтобы не простудиться.

Потом он сам задумался.

«Что я делаю? Помогаю кому-то заправлять постель?»

Лу Тун был поражен тем, как его тело опередило разум, и, очнувшись, обнаружил, что кровать уже полностью заправлена.

Если бы Хэ Нянь и другие узнали об этом, это бы точно вошло в список восьмого чуда света.

Лу Тун помогает кому-то заправлять постель? Кто бы в это поверил?

Ты согласишься? Он поверит? Даже в сказках такого не придумаешь, уж лучше бы сказали, что Лу Тун — омега!

Что за черт, с его ледяным выражением лица, которое замораживает все в радиусе пяти метров? Он что, собирается проводить кого-то в последний путь, а потом из доброты заправить постель?

Лу Тун скривился.

Честно говоря, в мире слишком много детей, которые умеют жаловаться, и если бы он каждого из них жалел, то скоро бы сам свалился от усталости. И он не похож на человека, который легко поддается жалости, но почему-то Цинь Шиу вызывал у него именно такие чувства.

Пока что никакое научное объяснение не могло прояснить эту странную связь.

Затем он выпрямился и сказал Цинь Шиу:

— Не говори никому.

Цинь Шиу несколько раз открывал рот, но в итоге ответил:

— Не скажу.

Он сделал паузу, прежде чем медленно произнести:

— Моя мама никогда не заправляла мне постель.

Подумав, он понял, что время выбрано неправильно. Ведь Лу Тун только что заправил ему постель, поэтому Цинь Шиу поправился:

— Я имел в виду раньше.

Лу Тун не слышал, чтобы Цинь Шиу говорил о своих родителях, поэтому просто сказал:

— Наверное, она была занята.

Цинь Шиу глухо ответил:

— Он тоже так говорил.

Его подавленное настроение так сильно передалось Лу Туну, что тот невольно задумался.

Он немного поколебался, прежде чем погладить Цинь Шиу по голове.

Лу Тун не знал, как его утешить, но вдруг осенило:

— Домашнее задание сделал?

Эти слова странным образом совпали с тем, что говорил Лу Тун шестнадцать лет спустя.

Цинь Шиу почувствовал холодок по спине.

<http://bllate.org/book/16741/1561424>